

Оксана Леонтьева (Киев)

Архитектура света и тьмы в пространстве жизненного мира Барышни

Семантические коды квазикомплексов пространства жизненного мира Барышни реализуются в её сознании в виде корреляционной модели свет-тьма. Корпускулярные семантические составляющие корреляционной модели дают возможность рассматривать архитектуру света и тьмы и как психосемантический феномен, содержательная часть которого находит своё выражение в образах внешнего и внутреннего пространств Барышни, так и когнитологический, где архитектурные образы света и тьмы находятся в постоянном развитии, видоизменяя модулярные оппозиции смыслового ядра модели и усиливая существующие семантические эффекты или создавая на их базе новые, вследствие ситуативного движения смыслового поля пространства жизненного мира Барышни в её сознании.

Архитектура света и тьмы в романе *Барышня* Иво Андрича является сложным смысловым комплексом, который объединяет семантические коды мышления как образа идей, сознания как поля осмысления образа и чувственного переживания, языка как носителя и смысловыразителя мысленного и чувственного. Многоуровневая архитектура света и тьмы в романе опирается на корреляционные модели и их трансцендентные формы, проявляющиеся в квазикомплексах, которые непосредственно связаны с сознательным-бессознательным и внешним-внутренним, а также на конструкты, при помощи которых организуются эти модели. Квазикомплексы фиксируют переход из одного состояния к другому, создавая иллюзию целостности мира – внутреннего и внешнего. Модулярные оппозиции воспроизводят не только каузальную связь между разными типами состояний человека, но и организуют карту его внутреннего пространства. Квазикомплексы и модулярные оппозиции входят в корреляционную модель, при помощи которой создаётся пространственная ориентация архитектуры света и тьмы.

Созданная на базе архитектурного пространства модель света и тьмы является основой построения в сознании человека его пространства жизненного мира, следовательно самым ёмким по смыслу является концепт „свет-тьма“, при помощи которого и создаётся эта модель. Архитектура света и тьмы создается в ментально-психическом пространстве и рассматривается как субъективные ощущения и реализация внутренних потенциалов как жизненных ценностей. Концепт свет и тьма Андрич выписывает в романе как цвет, образ, состояние, ментальное и чувственное восприятие и

переживание, чувство и эмоция, а также как состояние духа, собственно как духовная сущность.

Архитектура пространства (оно же в результате его реализации выступает как пространство жизненного мира) света и тьмы многопланова, поскольку его смысловое ядро составляет сложная иерархическая модель модулярных оппозиций, каждая из которых является автономной и самоорганизующейся и существует „как многомерная динамическая структура кодовых созависимостей – информационных процессов“ (Дубровский 2013: 15). Модулярная оппозиция создаёт свою внутреннюю систему в виде модели релятивных отношений и непосредственно связана с мозгом, сознанием и языком как символически продуктивными системами. И мозг, воспринимающий информацию и порождающий мысль, и сознание, интерпретирующее эту мысль и адаптирующее под неё воспринятую субъектом действительность, и язык, превращающий мысль „для себя“ в мысль „для других“, оперируют определённым набором семантических кодов, которые являются мостиком между нейронными синапсами, комбинации которых реализуются как нейрособытия, и сознанием человека. Они же продуцируют как психические, так и сознательные ментальные события и отображаются в ментальных состояниях и в ментальных процессах таких как изъявление воли, цели, эмоции, желания, убеждения“ (О’Лири/Борегар 2017: 87), которые вырабатывают „индивидуальное ментальное восприятие действительности на уровне Эго-системы субъекта“ (Дубровский 2013: 37). Эта система также формирует его субъективную психическую реальность, которая материализуется при помощи языка в образах мира и формах внутреннего пространства, в частности. Мысль, „проходя через сознание и превращаясь в речь, перестраивается, видоизменяется и совершается в слове“ (Выготский 1934: 45). По мнению Ф. Феринга, язык формирует картину мира и мысли, а не просто выражает их (Fearing 1954: 47). Мысленное содержание знакового сообщения, то есть его понятий в форме субъективного образа смысл, „улавливается сознанием человека в процессе адаптации к миру и перекодируется в идеальные семантические коды сознания“ (Гухман 2018: 13), которые, по нашему мнению, связаны с памятью (бессознательной генетической, кратковременной и сознательной долговременной) и способны хранить в ней значения событий, слов, фраз и др. Совокупность кодов разного уровня создаёт ментальное и субъективное психическое пространства человека. Мышление основано на кратковременной памяти, поэтому переходит в сознание в виде идей или концептов. Сознание в связке с мозгом создаёт самый глубокий уровень – концептуальный (или понятийный), коды которого одновременно существуют на уровне мозговой деятельности человека, его сознания и выражаются в языке. Этот уровень, с одной стороны, реализует типы концептуального отражения действительности, организует структуру знаний и их содержание (Стернин / Розенфельд 2015:

268), и, с другой, связывает их со структурами генетической памяти, в которой находятся центры глубинных биологических эмоций: страха, тоски, радости, гнева и удовольствия, а также эталоны образов, с другой. Но именно в долговременной памяти информация хранится в упорядоченном виде в смысловой, семантической форме, там же хранятся прототипы образов для каждого рода информации и их признаков. Образы распознаются не только по имеющимся в модели признакам, но и по тем, которые хорошо бы могли вписаться в имеющийся контекст. И действительно, человек может иногда „увидеть“ или „услышать“ то, чего на самом деле не было только потому, что он этого ожидал (Клацки 1978: 54). Таким примером ожидания в романе *Барышня* является дядюшка Владо в образе Ратко Ратковича. „При распознавании образов извлекается некий смысл, что имеет значение для поведения человека, поскольку он (смысл) составляет часть взаимодействия между реальным миром и его сознанием“ (Клацки 1978: 35). Следовательно, и кратковременная, и долговременная память оперируют семантическими кодами и продуцированным ими смыслом, который посредством разных типов памяти реализуется в созданном при помощи ментального и чувственно-физического восприятия субъективном психическом пространстве как пространстве жизненного мира человека.

Квазикомплексы образуются в следствие комбинации разных нейрособытий – ментальных и чувственно-физических; как элементы в составе модулярных оппозиций появляются на границе трансцендентного перехода от ментального переживания мира к его психическому содержанию и от чувственно-физического переживания к его психической реализации; как семантические коды адаптируют эти переходные смысловые процессы к бытию личности, связывают её бессознательное, фиксированное генетической и кратковременной памятью, и сознательное, фиксированное генетической и долговременной памятью, в ментальном и субъективном психическом пространствах. В романе квазикомплексы связывают между собой нейрособытийный пласт, способы и свойства его восприятия в сознании Барышни, внутреннее личностное и внешнее социальное пространства, настоящее и прошлое и маркируют их как трансцендентно-имманентную корреляцию в архитектурном пространстве „свет-тьма“. Мы выделили несколько базовых квазикомплексов: события, процесс, переживания (чувственные, физические, ментальные), конструирования или реализации, конкретизации. Помимо этого, они связывают разные типы опыта человека. Эти квазикомплексы существуют как на уровне бессознательное-сознательное, так и на уровне сознательного. Трансцендентные микромоделю, возникающие в каждом квазикомплексе, мы рассматриваем как корпускулы, которые связываются между собой в произвольном порядке и образуют семантические пучки корреляционной модели, ядром которой выступают модулярные оппозиции. По мнению Д. Минделла, каждое живое существо имеет свой

„редактор реальности“, свой горизонт видения мира, скоординированный с телом, жизненными программами и др. (Минделл 2002: 3). Корреляционная модель является именно таким редактором реальности и помогает нам описать архитектуру света и тьмы в пространстве жизненного мира Барышни.

Первый из рассматриваемых нами квазикомплексов переживания, например, представляется на уровне бессознательного, в частности подсознательного, и реализуется через генетическую память в старой народной поговорке „добычка невеличка, да бережь большая“. Несколько раз повторяющаяся, она как бы вплетается в канву романа, сплетает между собой части пространства жизненного мира Барышни и становится её основополагающей ценностью как: *живоїо воплощения своих сокровеннейших желаний* (Андрич 1984: 6).

Добычка и бережение, малое и большое являются смысловым стержнем жизненного мира Барышни. Можем предположить, что большим для Барышни является свобода. Идеей свободы пронизано всё пространство её жизненного мира. Свобода ощущается ею как свет, проявленный через тьму, где тьма и свет воспринимаются как: *безысходные моменты... светлые минуты самозабвенноїо святоїо служения и победноїо ликования* (Андрич 1984: 6).

Она проявляется как внутренний свет и как чувственный опыт. Этот чувственный опыт усиливается фоновым светом, который автор удачно проецирует из мира внешнего:

баїряный вечерний закат, розовый свет последних лучей заходящеїо солнца. Убоим и зайуценным жилищам румяный ошвет белїрадскоїо заката придеїт ещє более печальный вид (Андрич 1984: 5).

Свет внешний трансцендирует в восприятие чувственных переживаний, в которых растворяются границы обыденного сознания и ощущается переживания единства Барышни с самой собой, со своей сущностью, со своим источником света. Эту трансценденцию Андрич выражает при помощи цвета и ощущений: красный, розовый – восторженность, радость, полнота жизни; внешняя убогость жилища, но внутренняя наполненность и радость жизни. Кроме того, внешний красный (цвет заката) оттеняет и показывает внутреннюю динамику процесса отвоевания света как кропотливый и страстный труд за спасение не вещи конкретно, а за спасение мира от красоты: *ничїожной и коварной шїуки* (Андрич 1984: 6).

Награда за этот труд – сладострастие и благодать. Ликование, восторженность, радость, полнота жизни, сладострастие и благодать фиксируются как семантические корпускулы, объединённые в семантический пучок чувства (индивидуальное начало, за Уилбером), которые в квазикомплексе реализуют чувства, переживания и силу действия. Естественный свет озаряет внешнее пространство действия и одновременно порождает мысленное пространство внутренней борьбы за наслаждение как свободу: *как*

фанатической оиваи мученика (Андрич 1984: 7), – высшего блага и смысла жизни, единственной терминальной ценности. И если лучи света внешнего красные, розовые, закатные, то лучи света внутреннего светлые, блестящие, великие. И во внешнем и в мире внутреннем Барышня полна стойкости и отваги мученика. И, несмотря на то, что не пламя в печи, а *убоий ойонёк*, Барышня тверда в своём намерении, в своих целях и желаниях, то есть внешняя полутьма и холод (тьма) порождает внутренне сияние и тепло (свет). Свет внутренний раскрывает и усиливает душевное состояние и настрой мыслей Барышни. Этот внутренний свет порождает реальность переживания чувственного опыта Барышней как опыта борьбы за свободу. Внешний свет переживается Барышней как жизненные события и трансцендирует в переживания внутренней непогрешимости и стойкости, силы воли. Одним их аспектов реализации свободы воли является изменение программы действий, следовательно „изменение в кодовых нейродинамических структурах“ (Дубровский 2013: 36). Своим отношением к миру внешнему и к самой себе Барышня реализует свою свободу воли как жизненную цель:

В сущности, это и не жизнь, а сѣлошная экономя. Величестѣнная, дивная и смертоносная йустыня, коѣторая йоблощаеѣ человека, словно йесчинку, и в коѣторой ней и не можеѣ быть ничеѣ ой жизни. Связи ее и с мерѣвными и с живыми сѣановяѣтся все слабеѣ. Люди ей не нужны; они йроходяѣ мимо нее – рождаюѣтся, расѣшут и умираюѣт, но в ее йлазах все это лишь йрибыльнѣй или убѣйочнѣй, йолезнѣй или ойаснѣй факѣтор ее экономя; йо-груѣому она их не восѣпринимает и ничеѣ общеѣо с ними не имееѣт. Не сущестѣвует для нее и времени; еѣсть йолько сроки йлашежеѣй и расчеѣйов. Будуѣщеѣо ней, йрошлеѣо зако- йано (Андрич 1984: 100).

Следовательно, пространство жизненного мира существует только как настоящий момент, который Барышня переживает как свободу воли или свободу выбора: жизнь – это красота (тьма в её понимании), экономя – добыча и бережливость (свет в её понимании). Поэтому свет может существовать только в настоящем моменте, в отличии от тьмы, которая может быть вечной. Как жизненная цель свобода воли входит в семантический пучок индивидуального начала.

Второй квазикомплекс связан с переживанием процесса создания пространства жизненного мира как ощущения света и разворачивается от генетической памяти бессознательного бытия в ментальном поле Барышни (мысли о красоте как уродстве). Принятая обществом стереотипная красота является уродливой и недостойной для Барышни и, наоборот, уродливое в понимании общества (стяжательство, скаредность) является красивым для неё. В этом квазикомплексе тьма проявляется как порок, а свет как благость. Для Барышни красота проявляется в аскезе, во внутреннем чувстве стойкого удовлетворения (то, что отрицает общество), это бережливость, хозяйственность, экономность, строгость, воздержанность, неразговорчи-

вость. Через порок и красоту как тьму и свет маркируется личностная идентичность (самоидентичность) и жизненное самоопределение Барышни. Самоидентичность включает как бессознательное бытие, которое проявляет себя через генетическую память, с одной стороны (добыча невеличка, да бережь большая, образ деда), и приобретённый юношеский опыт, базирующийся на событиях, отпечатанных в долговременной памяти (жизнь и падение отца), с другой. Юношеский опыт (юношеские переживания) создал новый личный проект со всеми атрибутами генетической структуры. Личный проект – личная генетическая память, которая тоже строится на концепте свет и тьма, но не на как биологическом феномене, а как на психосоциальном, где опасными или тёмными рассматриваются и человеческие пороки (внешнее влияние социума на внутренний мир) и человеческие добродетели (проекция внутреннего мира на социум и её закрепление за человеческими пороками, то есть за миром социальной тьмы). Здесь имеет место ситуация двух типов генетической памяти – естественной (бессознательного бытия, одной из форм которого является биологические переживания) и порождённой (социальные переживания, определение своего места в социуме как биологической потребности) или сконструированной (осознанной). Свет трансцендирует в самоидентификацию (связь деда и отца после банкротства, как собирательный образ старой традиции купечества, то, что является основой внутреннего благополучия – незыблемо и правильно), то есть её самоидентификация как личности осознаётся Барышней как свет. Он рефлексирует сначала в ментальное пространство и порождает образ бережливости как воображаемый внутренний покой, довольствие и наслаждение. От бережливости как генетической составляющей начинает строить Барышня своё жизненное пространство как пространство красоты, в котором всё подчинено единственно правильному закону – бережению. Концепт свет-тьма рассматривается как красота – уродство (порок) и разделяется на две составляющих – естественная (природа и внутренняя гуманная (ценностная) природа человека) и социальная (общество и личность), где красота внешняя естественная – светлая, (закаты и восходы солнца, день и ночь) и внешняя социальная – тёмная реалья; внутренняя социальная (как система социальных ценностей) – тёмная, обманчивая, убивающая, внутренняя личностная – светлая, спокойная, то есть внешний социальный – тёмный, новый, нетрадиционный, внутренний личностный – светлый, старый, традиционный, гармонизированный:

[...] словно здесь живёт слепой или человек, который совершенно равнодушен к этому миру..., красота – дорота, безумно дорота, но ничтожная и коварная штука. Нет большей мотовки и обманщицы. Но шейерь с приближением старости, когда ей всё яснее и очевиднее открывается вся прелесть и сладость бережения, она испытывает всё более сильную и всё более определённую ненависть к красоте, к этой ереси, злему идолу – сойернику, который толкает

людей на дурной путь и отворачивает их от единственного истинного божества – бережения (Андрич 1984: 6–7).

Переход от ментального процесса к биологическому состоянию – физические ощущения холода, и переход от биологического состояния к психологическому состоянию связывает также квазикомплекс процесса. Можно говорить, что ментальное ощущается или переживается как физическое и порождает психическое, где последнее удерживает в своём поле и ментальное и биологическое:

[...]и стоишь предстать себе, как всё вокруг постоянно и неприметно тибней, исчезаешь, рвёшься, вешаешь, ускользаешь и сколь малы, сколь слабы наши пошлости и пошлости что-то предпринять, как-то бороться с этим, как сразу согласишься на любые муки и любые лишения, только бы устоять перед этой бедой, и неминуемо устыдишься каждой минуты отдыха как пустой траты времени и каждого пролоченного куса как мотовства и роскоши. Эта бесконечная борьба требует фанатической отваги мученика. И от этих мыслей Барышню бросило в дрожь (Андрич 1984: 7).

Событийно ментальное способно порождать как свет, так и тьму, где мысль или образ переживаются на физическом уровне, причём физическое ощущение не контролируется ментальным, а скорее сенсорно-чувственным переживанием. Ментальный образ тьмы, созданный мыслительным процессом, физически ощущается как холод, то есть тьма – холод. Но образ мученика (такой себя представляет Барышня) является светлым и в психическом поле реализуется как тепло. Оно же трансцендирует в физическое ощущение тепла, то есть мученик как религиозный эталон способен трансцендировать свой свет через психическое поле в физическое ощущение. Свет является источником внутреннего тепла, психологического тепла. Кроме того, холод и тепло (тьма и свет) проецируются в генетическую память. Следовательно, в этом квазикомплексе свет и тьма как одновременный психологический и физический процесс проявляются в тепле и холоде и таким образом воспроизводят чувственную составляющую жизненного мира Барышни:

[...] в комнате было невыносимо холодно. Барышня отправилась за ульём, но путь же вздрюнув, остановилась, будто удержала себя от великого и нейоравимого зла; стиснув зубы, она мужественно вернулась на своё место и снова взялась за работу, довольная собой и миром, в котором есть всегда и везде на чём сэкономить. Теперь она не чувствует стужи. Её греет совок сбережённого улья. Но руки у неё синие, губы серые, нос красный. Временами шело соприкасаешь глубокая внутренняя дрожь (Андрич 1984: 7).

Квазикомплекс процесса тесно связан с квазикомплексом переживания как ощущения мира и себя в нём. Сконструированный Барышней ментальный образ света фиксирует физическое ощущение холода в психическом поле. Барышня переживает холод как внутреннее блаженство и наслаждение и не ощущает его физически, что говорит об осознанности такого

процесса. Сам процесс находится в поле осознанного переживания психофизического состояния. Следовательно, порожденный тьмой свет трансцендирует: в *шейло сознания* (Андрич 1984: 6), ... *вырастает до победного ликования* (Андрич 1984: 6) и реализуется в корпускулярных семантических пучках культуры и одновременно индивидуального начала как осознание.

Свет-тьма в квазикомплексе конструирования раскрывается как состояние: тьма – скука и свет – игра: [...] *однообразная и скучная работа* (Андрич 1984: 8). *Барышня отдаётся игре воображения* [...] (Андрич 1984: 8).

Следовательно, в концепте свет-тьма связано состояние внешней пустоты и внутреннего наполнения через их осмысление. Физический процесс трансцендирует в ментально-психическое состояние, которое очерчивает внешние границы пространства жизненного мира Барышни – игра воображения, воспоминания, мысли и мечты. В этом квазикомплексе свет-тьма реализуются как скука-игра или внешняя пустота – внутренняя наполненность.

Квазикомплекс конкретизации связывает порождённое Барышней ментальное пространство с её пространством сознания: ...*наполняет шейлом сознание. А часто бываюй такие счастливые минуты, когда сознание это достигает до победного ликования* (Андрич 1984: 6).

Все выше названные квазикомплексы являются порождением генетической памяти Барышни. И её ментальное пространство, и пространство сознания как субъективное психическое пространство связаны со светом, где и в мыслях, и в ощущениях свет переживается как наслаждение. Внешний свет процессуален и трансцендентно переживается как внутренняя процессуальность, поскольку проектирует архитектуру внутреннего пространства Барышни и его образов. *Барышня отдаётся игре воображения, воспоминаниям, и что думает, и что мечтает на свой лад, что вспоминает, а что и всё это разом* (Андрич 1984: 8).

„Способности и навыки создания информационно емких образных структур формируются очень постепенно на протяжении многих лет жизни человека“ (Осорина 2017:18). В этом случае трансцендентность фиксирует переход от воображения как процесса построения пространства жизненного мира к воображению как конкретизации его образов и очертанию его границ. Воображение является особой формой, которая занимает промежуточное положение между восприятием, мышлением и памятью. Барышня при помощи воображения создаёт свой мир воображаемый как реалию вневременного опыта произошедших жизненных событий. Квазикомплекс коррелирует бессознательное и сознательное в личном опыте, который порождает иллюзорную реальность внутреннего мира. Бессознательное бытие порождает в генетической памяти или свет или тьму. Свет становится личност-

ной иллюзией и способом удержания бессознательного бытия в сознательном психологическом пространстве, иначе иллюзия является трансценденцией генетического света. Именно такой свет, который проявляется в игре воображения, воспоминаниях, мыслях и мечтах, создаёт границы жизненного пространства мира Барышни. И эти трансцендентные границы преустановлены в разуме человека.

Квазикомплекс события определяет зарождение света из тьмы, то есть самопорождающая тьма переживается и как собственно тьма (общество) и как свет (внутренний мир Барышни). Пространство сознания Барышни начало формироваться в 15 лет после смерти отца. В нём чётко зафиксирован образ отца как источник света и начало самостоятельного жизненного пути как тьму (хаос, бездну):

Барышне казалось, что она юмный отца чуть ли не с младенчества. Даже в первых его воспоминаниях он – самая главная и самая важная фигура. И этой человек в её глазах, великий и прекрасный, был её отцом (Андрич 1984: 8), Жизнь для неё началась, когда ей было пятнадцать лет. Началась в тяжёлый и торжественный час (Андрич 1984: 9).

Квазикомплекс события как зарождения пространства сознания Барышни сменяется на квазикомплекс конструирования, при помощи которого Барышня в своей генетической памяти сконструировала из образа отца свой личный свет, от которого начала строить своё пространство сознания и свой образ мира, то есть трансцендентное переживание величия её отца создало образ света. Переживая момент духовной близости как преемственности (завет отца), Барышня конструирует тьму как мир внешний, который пожирает красоту духовного света. Там же зарождается образ общества как тьмы или уродства, и образ воли и силы духа как внутренней духовной красоты – света: *Это был один из тех моментов, которые рождаются или в минуты жесточайших страданий, или на смертном одре, когда мир и люди предстают в каком-то необычайном, одностороннем освещении (Андрич 1984: 10).*

Конструирование пространства происходит путём разграничения его на внешнее и внутреннее, где внутреннее соединяет бессознательное бытие (традиции бережливости дедов) и сконструированный в генетической памяти образ отца (внешнее сияние и внутреннее разочарование жизнью, как свет и тьма):

Мало откажись от собственных желаний и потребностей – на этом много не сэкономишь; надо навсегда убить в себе все так называемые высшие соображения, всякие там барские причуды вроде благородства, великодушия, сострадания. На эти наши слабости, которые для отвода глаз называются прекраснейшими именами, рассчитывают те, кто к нам обращается; они поощряют плоды наших дарований и усилий, они чаще всего становятся причиной нашей безысходной бедности, а то и полного разорения. Всё это надо вырвать из души с корнем, не задумываясь (Андрич 1984: 11).

Свет связывает переход от детства к юности Барышни с её отцом как человеком: [...] великим и могущественным...; ему были неведомы людские слабости и низменные привычки, он не знал забот и оторчений, которые бывают у всех людей, а глубокие морщины на его лице и седые волосы представлялись ей лишь знаками особого достоинства и необычайного величия (Андрич 1984: 8–9) и как социумом:

Ведь жизнь у нас устроена так, что люди благополучием своим, преуспеянием обязаны не делам, а бережению. И хороши и честны они с теми, кто независим от них и ничто от них не ждёт, но стойки и потеряют свободу действий, войдут к кому-нибудь в зависимость, как всё исчезает – боги и душа, родство и дружба, честь и совесть. ...всякие там чувства и принципы – это всё это лишь наши слабости, на которые рассчитывают, которыми пользуются все, кому не лень (Андрич 1984: 11).

Фундаментом образа мира Барышни, а следовательно и её пространства жизненного мира, стало бережение как свет и барские причуды – транжирство и расточительство как тьма.

Картина мира человека создаётся при одновременном использовании всех видов памяти (генетической, кратковременной и долговременной) как накладывание вневременного, текущего, моментного, на временное, фиксированное. Это могут быть сколько угодно разные комбинации. При таком условии картина мира человека всегда динамична и способна к постоянному изменению. Но мысль закрепляет один или несколько образов в сознании человека, то есть ментальное трансцендирует в психическое, которое реализуется в разных состояниях человека. Квазикомплексы связаны с памятью, бессознательным и сознательным, они порождают друг друга (это непрекращающийся процесс) и создают смысловую канву на событийном уровне сознания – физическом, эмоциональном, ментальном, духовном. В дальнейшем образ отца становится доминантным в сознании и от него выстраивает своё пространство жизненного мира Барышня как пространство духа, вечной борьбы (в её понимании). Оно не является сложным по структуре и смыслу; в нём как архитектурные единицы представлены мужские образы – духовные наставники, и деньги – символическое благо, вечная ценность, способ аккумуляции энергии и силы, символ истинной духовности. Мужские образы также связаны между собой при помощи квазикомплексов. Например, конкретизация связывает образ отца – внутренний социум, и реального дядюшку Владо как проявление отца во внешнем мире. До банкротства отец в сознании Барышни был величественным и могучим, что даже боги Олимпа проигрывали ему. Владо тоже был в сонме богов Олимпа:

[...] дядюшка Владо лучезарный, с радостной и доброй улыбкой. Его голубые глаза, полные беспокойного сияния, смотря на собеседника так, словно хитрый изливается и отдаёт себя в дар; и волна белокурых волос свейшился и шрепещей, словно хочешь хлынуть и бесшощадно зайойти всё вокруг (Андрич 1984: 13).

Концепт свет-тьма в этом квазикомплексе реализуется как сияние и радость – холод и пустота.

Квазикомплекс конструирования реализуется при переходе от восприятия к представлению, где реальный объект отсутствует, а его образ как бы „или воссоздается в виде представления памяти, или творчески воссоздается в виде образа воображения“ (Осорина 2017: 16). В приведённом выше примере отец в образе дядюшки Владо воссоздаётся в виде представления памяти (Барышня помнит своё ощущение лёгкости с отцом). Представления этого образа как архитектурного элемента в пространстве жизненного мира Барышни создаёт пространственную панорамность, при которой целостное воспроизведение пространственной структуры объекта выходит за пределы поля восприятия (перцептивного поля). Именно пространственная панорамность света и тьмы, которая создаётся при помощи образа отца и удерживается в течении всей жизни рефлексией состояний этого образа (дядюшка Владо, Миллион, Ратко Раткович, коллекция денег в конце жизни), поддерживает стабильность внутреннего пространства жизненного мира Барышни.

Неслышный и невидный, этой грубой мир ничуть не меньше, ничуть не однообразней и ничуть не беднее первой. И в нем есть свое солнце и звезды, свои рассветы и сумерки, свои взлеты и падения, свои урожаи и недороды, и им движает великая таинственная сила глубокой жизненной начала, на которой все зиждется, вокруг которой все вращается и о которой простой смертный может только догадываться и догадываться. И это темное подпольное царство она считала лицом мира, а первый – его изнанкой (Андрич 1984: 31).

Пространство жизненного мира Барышни отражает её мысли и восприятие, отношение к тому, что она наблюдает и что она при этом чувствует. Сознание человека определяет, что он видит, а что он игнорирует или маргинализирует. Реальным считается восприятие, которое люди признают общим. То, как человек или группа людей определяет понятие „реальное“ представляет собой не объективный факт, а мнение (Минделл 2018).

И ментальные состояния сознания, способного различать сознательное и бессознательное, и ментальные процессы, происходящие в нем, каузально связаны друг с другом и образуют ментальные пространства, „в которых вынашиваются мысли, мелькают внутренние образы, оживают воспоминания и проявляются желания“ (Ревонсуо 2013: 145). Эти пространства ситуативно-функциональны, создаются и исчезают в процессе восприятия, поскольку человек синтезирует внешнюю реальность для себя, чтобы сложить на основе личного опыта то, что ему необходимо для дальнейшего полноценного функционирования в реальном мире. При помощи личностных конструктов, которые возникают вследствие получения разного опыта, человек в дальнейшем строит гипотезы о мире функциональном и свою стратегию поведения в нём. Такие каузальные связи в романе представлены в

виде модулярных оппозиций смыслового ядра архитектуры пространства жизненного мира, которые существуют на ментальном уровне и уровне сознания. Пространство жизненного мира Барышня чувствует и осознаёт как пространство света и борьбы, поэтому модулярные оппозиции демонстрируют связь света и тьмы на каждом уровне смыслового ядра, они помогают нам понимать смысловую основу архитектуры света и тьмы пространства жизненного мира Барышни. Все модулярные оппозиции процессуальны и являются метками для семантических пучков корреляционной модели.

Первую модулярную оппозицию определяют сознательная реальность (психическая реальность / психо-временная и психо-пространственная реальность) и бессознательная реальность (нейрособытийная реальность / вневременное и внепространственное бытие). Свет и тьма может существовать как на сознательном, так и на бессознательном уровнях (в психической реальности и в нейрособытийном бытии, как осознанные и неосознанные ментальные процессы), которые связаны с чувствованием и памятью. Эта оппозиция является базовой. Например, бессознательное чувство страха (пережить ещё раз состояние безысходности и разочарования – состояние отца после банкротства) и потери своих достижений на ниве бережения заставляет Барышню быть стойкой и упрямой в своих намерениях. На фоне страха (тьма) раскрывается сила (свет) её характера:

[...] осторожно пройшаскивая иголку между ослабевшими и разехавшимися нитями – одну захватить, другую пропустить, одну захватить, другую пропустить – вперёд-назад, вперёд-назад, икуда не зашьёт и не укрепит прохудившееся место (Андрич 1984: 7). Все, что утрашало и внушало тревогу людям, достигало наконец и до Барышни, на мновение выводило ее из равновесия и отвлекло от дел, но потом снова исчезало, усилием воли отшесненное в глубины сознания (Андрич 1984: 19).

Этот бессознательный воображаемый личностный страх, зафиксированный представлениями в памяти, является реакцией на пережитый раздражитель – банкротство отца и потеря его светлого идеала – стойко преследует Барышню. Таким образом, изначально страх становится рамками её осознанной реальности и одновременно продуцирует её внутренний свет:

Отца, вечного и единственного предмета ее нежности, нет. Он убит и до и безнаказанно, убит, потому что не умел защищать и беречь свое, потому что пошакал своему жалостливому сердцу, считался с людской честью и достоинством, по-рыцарски храбро и безрассудно помогал в беде любому, входил в положение каждого, пока однажды, взглянув наконец на себя, не обнаружил, что у самого ничего нет. Это его судьба, и это ее жизнь; так случилось, что ее жизнь оказалась неразрывно связанной с его смертью (Андрич 1984: 14).

Холод в комнате порождает физическую дрожь в теле и осознанную психическую дрожь как реакцию на уже существующий в бессознательном негативный стимул (банкротство отца и её личное, испытанное на опыте с Ратко Ратковичем, банкротство светлых душевных порывов). При соприко-

сновении её души с обманом социума в лице Ратко Ратковича она переживает тоже, что и её отец на смертном одре. Свет усиливает и сопровождает светлые порывы души, служение обществу (отец) и памяти отца (Барышня), тьма ж проявляется в несовершенстве общества, его подлом обмане. И как следствие, основой жизненного мира Барышни является не только стремление к высшим чувствам, но и к новым формам его проявления (деньги). Смысл этой оппозиции – бессознательный страх порождает свет как желание/ необходимость вернуть его источник в жизнь отца и в свою жизнь, поэтому свет проявляется через обретение свободы (деньги усиливают чувство свободы).

Следующая модулярная оппозиция возникает в ментальном пространстве, которое существует как представления памяти и воображения. „Ментальные пространства могут быть актуализированы, использованы, преобразованы, заменены, удалены“ (Осорина 2017: 15). Память переживания момента и воображение фиксируют ментальное пространство Барышни, которое актуализируется чувственным бессознательным:

В соїнуземся, скрюченном шеле неударжимой волной поднимаеїся нежностї – чудесная, невидимая, но моїущестївенная сила, коїорая живеї в жеңицинах, эїих слабых созданиях, и пробиваеїся в самых разных формах, порождая и їубя жизни и судьбы. В їереливах їолоса, коїда она їроизносїїт эїю їросїое слово, – все сїуїени нежностїи, сосїрадания и жалостїи, на какие їолько сїособна жеңицина в разных обсїояїельсїивах и в разные їериоды своей жизни. Однако вслед за їервым взрывом долїо скриваемых и нерасїраченных чувсїїв являеїся мысль – їросїая, сильная и неумолїмая, как холодный аїїел с оїиненным мечом в руке (Андрич 1984: 14).

Как когнитивная структура, ментальное пространство задает собственный смысловой контекст, обладает собственной эмоциональной окраской, диктует правила построения действий и описывает свою собственную реальность в концептуальных семантических кодах – коррелятах „языковых единиц в ментальном пространстве“ (Кубрякова 1997: 159). Естественный, словесный язык, принадлежащий внешнему миру, „детерминирует построение ментальных пространств, как когнитивного фона повседневного общения и рассуждения“ (Fauconnier 1994: 62), принадлежащего внутреннему психическому миру человека, и задаёт отношения между ними, поскольку „план языкового выражения имеет корреляты на уровне мозговых функций“ (Барышников 2014: 100). Ментальное пространство Барышни – это пространство борьбы между тьмой и светом, в котором светом является бережение, тьмой – расточительство. Оно создаёт контекст для восприятия мира внешнего и выстраивания отношений с ним:

[...] усїремив сухие їлаза на мраморную їлїїїу, начинала свой безїласный оїїчей моїиле. Она мысленно оїїчїїывалась їеред ней во всем, чїїо сделала в їечение недели, а їакже рассказывала и їоясняла свои їланы на следующую неделю, їребуя одобрения сделанному и блаїословения задуманному. Ободрен-

ная ут́ренной бесе́дой, она чувст́вовала, как ду́шу ее на́полняет́ спо́койной силой́ равноду́шное пр́езрение к ш́олюе, – ве́дь уже́ сей́час лю́ди не мо́гут ей ниче́го сде́лать, и они́ не́изменно́ па́дут к ее но́гам, ко́гда она ока́жется в своей кр́еисо́щи, имя ко́торой Миллион. Бары́шня шла ре́ши́тельной по́ходкой, и ей чу́дилось, что́ она не ш́олько в мы́слях своих́ выше́ э́той убо́ей мя́шущейся ш́олюы, но что́ она и в самом́ деле́ ст́упает́ по́ ней, как по́ муравейнику́ (Андрич 1984: 14).

Но внешний мир также „продолжает оказывать управляющее воздействие на события, создаваемые в мире внутреннем, психическом“ (Осорина 2017: 9). Следовательно, модулярной оппозицией является условная оппозиция ментальные состояния и процессы – выбор ментального пространства, ментальное пространство – выбор концепта света и тьмы. Концепт света в пространстве Барышни символизирует победу, концепт тьмы – страх:

Тейерь́ пр́иходит́ чере́д дру́гой дыре́ на ш́ом же или́ на дру́гом чу́лке. И ка́ждая дыра́ по́началу ка́жется безнаде́жной и нео́твратимой. Одна́ко ка́ждый раз Бары́шня в конце́ концо́в ш́оржес́твует́ по́беду (Андрич 1984: 3).

Таким образом, бессознательный страх порождает силу в Барышне для её борьбы с миром за собственную целостность и самодостаточность.

Третья модулярная оппозиция возникает в реальности осознаваемых психических состояний субъекта, которые непосредственно для него удостоверяют то, что он существует, и всегда представляет собой определённое „содержание“, которое дано субъекту в форме „текущего настоящего“, то есть сейчас, хотя это „содержание“ может относиться и к прошлому, и к будущему“ (Дубровский 2013: 12). Осознаваемые психические состояния наряду с ментальными репрезентациями/представлениями образуют субъективную психическую реальность как основу сознания. „Содержание субъективной психической реальности составляют все переживания – перцептивные (чувственные восприятия), телесные (эмоции) и ментальные (мысли)“ (Ревонсуо 2013: 14), которые реализуются как опыт. Человек осознаёт свой опыт путём столкновения с его образом, поэтому мир, в котором он живёт, представлен психическими образами. Кроме того, находясь в социуме, человек приобретает и социально-культурный опыт. Само же сознание существует не только в физическом пространстве, но „также и в эмоциональном, ментальном и духовном пространствах“ (Wilber 1997: 73) и по своей сути является трансцендентным. „Ментальное пространство включает, но трансцендирует (или превосходит) чувственное пространство“ (Wilber 1997: 43):

Ее э́то абсолю́тно не каса́ется. Бары́шня ре́ши́тельно о́тбрасывает́ все пр́оисше́дшее и ду́мает́ лишь о́ том, ка́ким обра́зом она пр́ереша́ет́ чере́з все э́то, обо́йде́т, как лю́бое дру́гое пр́ея́тис́твие на́ пу́ти. Для́ нее́ невыно́сима мы́сль, что́ ее́ де́ло и ее́ инт́ересы́ мо́гут ока́заться в зави́симости́ о́т сил, ей́ совер́шенно́ не́подвла́стных, что́ и она́ дол́жна разде́лять́ злу́ю судьбу́ своих́ со́пле-

менников. „Что мне до сербских студентов?“ – гневно спрашивала Барышня серые сумерки, сморщившие на нее из окна. В ней поднималось неукротимое желание раз и навсегда освободиться от всяких связей и обязательств, чтоб никто не имел права от нее чего-либо требовать, подобно тому как она сама никогда не чувствовала себя с кем-либо связанной и никогда ничего во имя этих связей не требовала (Андрич 1984: 16).

„Сознание и мысль несут в себе смысл, цель, намерения, дистанционную направленность при дистанционном воздействии“ (Дубров 2006: 61). Бытием сознания, способного к расширению, является „переживание совпадений мыслимого и данного, полагаемого и созерцаемого“ (Молчанов 2007: 39). Мы полагаем, что в основе расширения сознания Барышни, а следовательно и пространства жизненного мира, положена трансформация в её восприятии и воображении ранее полученной путём разного опыта информации. Поэтому модулярной оппозицией является эмпирический опыт – ментальный опыт или чувственное – воображаемое. Как эмпирический опыт можно назвать взлёт и банкротство отца (светлое и тёмное), жизнь и смерть дядюшки Владо (светлое и тёмное), опыт с Ратко Ратковичем (светлое внутри Барышни и полная тьма в образе Ратко Ратковича), толпа на улице (тёмное), сон о краже денег как форма реализации бессознательного страха и др. Как ментальный опыт можно рассматривать все операции Барышни с деньгами и старые купеческие традиции бережения:

Ведь глубоко под видимой и бурной поверхностью общества, которое живёт, шатаётся, наслаждается и транжирит, существует невидимая, стальная, тонкая и прочная сеть ростовщичества – безмолвная, безмянная и мощная организация тех, кто отказался от всего лишнего и второстепенного и нашёл путь к тому, что, по их мнению, единственно существенно и важно в жизни, что одну свою страсть удовлетворяет за счёт многочисленных мелких и крутых страстей и погрешностей всего остального общества (Андрич 1984: 10).

Сущность порождает сознание и реальность путём самоотражения, „чувственный опыт имеет тенденцию отражаться“ (Минделл 2018: 43), создавая вместе с ментальным опытом реальность в сознании. В романе ментальный опыт Барышни создаёт иллюзорность света, её чувственный опыт реализует свет как наслаждение и тьму как боль от утраченных иллюзий:

[...] Барышня начала входить во вкус „ростовой денежки“, того холодного похмелья, которое трепит и свешивает в сырых лавках ростовщиков ярче солнца и шейлее весны. Когда дело разрослось и посетителей стало значительно больше, она стала принимать не только в лабазе, но и дома (Андрич 1984: 10).

Смысловой доминантой этой оппозиции является расширение сознания Барышни (мечта о Миллионе) и свет как иллюзия жизни, иллюзия наслаждения:

Омытая и пронизанная этим сиянием, она и не ходила и не летала; её парение – иде-то между торделивой пошлостью и чудесным полётом. Мил, когда ощутив себя владелицей миллиона, она почувствовала, что отныне она уже не раз-

деляет судьбы большинства людей, что она шеперь не подвластна законам борьбы, которая изматывает и губит недостойную чернь, был милом полною счастья. И весь следующий день она жила под впечатлением этого сна, и на всем – на мыслях, на счедах, на окружающих ее предметах, на ней самой – ей мерещились время от времени ослепски таинственной и прекрасной сияния, только очень быстрые – быстрее молнии, так что о них можно скорее догадываться, чем их увидеть (Андрич 1984: 15).

Ментальный опыт человек переживает как мир воображаемый. Р. Уилсон считает, чтобы ни увидел субъект, он должен увидеть прежде всего его собственный „ментальный архив“ – структуру программного обеспечения (язык, лингвистические привычки, общее „родовое“ или культурное мировоззрение), которую использует мозг для обработки и классификации впечатлений (Уилсон 1998). Мозг при восприятии реальности, начиная с органов чувств, обладает способностью игнорировать ненужную информацию и дорисовывать нужную. Так возникают искажения восприятия действительности, которые происходят на разном эмоциональном фоне. Эмоционально искаженное восприятие действительности порождает другие коды, которые видоизменяют картину мира в сознании человека:

Оставшись наедине с ним, Барышня не могла наглядеться на его улыбку, которая сочувствовала ей с ранней юности, послушайся его спокойных, рассудительных речей. Однако, когда она глядела на него, это мешало ей внимательно слушать и оценивать то, что он говорил, и, наоборот, когда она слушала, это не давало ей досыта насладиться самым своим дорогим воспоминанием, ожившим таким чудесным образом (Андрич 1984: 34).

Но это искаженное восприятие вначале пробудило в сознании Барышни уже казавшиеся забытыми чувства высшего порядка такие, как милосердие и др.:

Но, мало-маленьки придя в себя, она ощущала новое и неведомое раньше наслаждение оттого, что помогает кому-то „встать на ноги“. Она закрывала глаза, и ей казалось, что той, кому она помогает встать на ноги и сделать первые самостоятельные шаги, не взрослый двадцатилетний мужчина, а и на самом деле крошечный румяный карайуз, который, делая свои первые шаги по земле, смеется и заставляет смеяться всех вокруг. Даже и днем, когда иллюзии имеют меньшую власть над человеком и когда она глядела на мир шрезво и зорко, она не испытывала ни раскаяния, ни страха, потому что в том, что она дала Райко деньги, она находила такое же удовлетворение, какое всегда находила в том, что урывала и отнимала у других (Андрич 1984: 34),

В результате искажения образа привели к тому, что чувства доброты и милосердия полностью исчезли из мира Барышни. Когда человек что-то изменяет, то он переписывает код своей психической реальности (Келли 2000). Восприятие человека и система его личностных конструктов предсказывает то, что должно быть в окружающем его мире (Фрит 2010). Это свидетельствует о том, что картина мира не является статичной, в некоторых

Пятой модулярной оппозицией в иерархической модели смыслового ядра структуры свет-тьма является временное – вневременное, временная реальность – вневременная реальность:

Годы проходили для Барышни быстро и незаметно. Время мучий и изнуряет лишь тех, кто занял мелкими заботами о собственной персоне и собственных удовольствиях, но оно пролетает незаметно для тех, кто, забывая о себе, отдаётся любому, превосходящему его силы делу. А когда человек живет смелой и несбыточной мечтой, время и вовсе перестает для него существовать (Андрич 1984: 30).

Смысловой доминантой этой оппозиции является свет как вневременное бытие и тьма как временная реальность, иначе свет всепоглощающий, всесоздающий, всё изменяющий.

Кроме того, прослеживается и шестая оппозиция индивидуальная память – генетическая память, где память рассматривается как психический процесс:

В жизни каждого человека есть темные периоды, о которых память большей частью молчит или говорит очень мало. Таким периодом в жизни Райки были четыре года войны (Андрич 1984: 42). Послушная необъяснимому инстинкту, Барышня прерывала человека на полуслове и своим сильным и звонким тоном объясняла, что его направили к ней по ошибке, что кое-какие деньги у нее имелись, но она уже дала их друзьям. ...когда число просителей так возросло, что стало ей в тягость, она принимала их все менее внимательно и вежливо, все более подозрительно и сурово (Андрич 1984: 10).

Смысловая доминанта этой оппозиции фиксирует рождение света как берега (необъяснимый инстинкт) из глубин генетической памяти, поэтому он и является вневременным и всепоглощающим. Андрич тонко подмечает зарождение личного света Барышни как её уверенности в своей цели и жизненной позиции:

Очень скоро город и все, что так или иначе окружало ее, она стала считать своим охотничьим угодьем, забыв обо всем, кроме жажды добычи. Поставив таким образом поселителя в наиболее неловкое и невыгодное для него положение, она спрашивала, чего он желает, таким строгим и удивленным тоном, словно шёл ошибся адресом и обратился совсем не к тому, к кому его направили (Андрич 1984: 10).

Ментальное воздействует не только на телесное (например, при вспоминая мотовство дядюшки Владо, Барышня переживает дрожь в теле), но и на ментальное, то есть одна мысль, влияя на другую, способна вызывать её. Каждый человек по своей воле постоянно управляет определённым классом своих мозговых нейродинамических систем, хотя и не чувствует этого, не подозревает, как правило, о такой способности своего собственного Я. „Наше Я может управлять собой и собственными явлениями субъективной реальности в весьма широком диапазоне (более того, расширять его)“ (Дубровский 2013: 36).

Райка встала было с места, желая прекратить нейривный и бесполезный разговор. Теперь она глядела сверху на скорченную у ее ног женщину, сохрясавшуюся от судорожных рыданий. И тогда она почувствовала, как в груди ее зашрейшло что-то сладостное и шейное, словно второе, более сильное, сердце. Она было уже наинулась, чтоб поднять женщину и успокоить ее, но потом передумала, ойдернула ойшянушую руку и сказала несшественно тонким олосом (Андрич 1984: 11).

„Физическая реальность (окружающая среда) и событийно-ситуативная реальность“ (Романов/Трипольский 2012: 123), связываясь с сознательным – бессознательным ментальных состояний и ментальных процессов, создают ментальные репрезентации как психические представления и как внутренний образ. Они существуют как субъективная форма видения, понимания и интерпретации происходящего во вне и одновременно обеспечивают контакт с миром (Лекторский 2011), иначе являются мысленным представлением человека о действительности (Fauconnier 1994), соотносятся с миром воображаемым и реализуются в сознании человека. Образы также являются „одной из форм невербальных ментальных репрезентаций действительности“ (Стернин/Розенфельд 2015: 275). Первичная система репрезентации даёт модель мира, основанную на чувственных данных, памяти, интероцепции и проприоцептивной обратной связи. Вторичная модель репрезентации даёт модель этой модели, в которой мир и наши действия в нём выражаются, или потенциально могут быть выражены словами. „Первичная система репрезентаций чувствует, ощущает и реагирует, вторичная система репрезентаций выражает всё это словами“ (Bickerton 1990: 209). Внутренний мир человека, его мысли, чувства, чаяния и потребности образуют основу его поведения, которое в конечном итоге направлено на достижение внутреннего удовлетворения, исполнения надежд и ощущения счастья (Jarvilehto 1998). „Поведение и поступки субъекта определены (и ограничены) системой когнитивных структур его ментальности (куда включены как сознательные, так и бессознательные пласты картины мира)“ (Петренко 2012: 74–75). При накоплении репрезентаций разной структурной сложности образуется своеобразный инвентарь памяти. „Этот инвентарь составляет основу механизма восприятия как когнитивного взаимодействия со средой“ (Кравченко 2007: 45). Следовательно, можно рассматривать ментальные репрезентации как внутренний код субъективной психической реальности человека, а язык как внешнее выражение внутреннего семантического кода его психической реальности. Это создаёт модулярную оппозицию: ментальные репрезентации (представления) – язык, следовательно, внутренний семантический код – внешнее выражение семантического кода или же психическая реальность – жизненный опыт:

Когда Дивна уходил, она сухо процедила несколько слов и сшешил йеревесити разговор на другое.

– Никоїда не видела, чїоб кїо-нибудь їроливав стїолько слез, – ойзовейся она холодно и неловко.

– Эх, дочка, о двоих она їлачей: о муже и девере, и о каком девере!

И Барышня, їочувствїовав неуместїность своеїо замечания, їщейно ищей слова, будїо разговор ведейся на иностїранном языке (Андрич 1984: 19).

Из предыдущей оппозиции следует модулярная оппозиция: внутренняя форма – внешняя форма или субъективное – объективное, что говорит не только о целостности сознания как такового, но и о том, что сознание и бытие представляют единый континуум. По мнению В. Зинченко, в этом пространстве происходят противоположно направленные процессы, а именно „субъективация объективного и объективация субъективного, овременение пространства и опространствование времени, осмысление значений и означение смыслов, вчитывание себя в другого и вычитывание себя из него“ (Зинченко 2001: 90). В романе внутренней формой света, например, выступает образ дядюшки Владо, а внешней формой света/тьмы – Ратко Ратковича. В этом случае мы наблюдаем не только искажение образа, но и процесс подстраивания действительности под уже существующий внутренний образ-эталон. Такое же искажение происходит и с образом матери. Внешняя форма может соотносится с фиксированным памятью и личным опытом внутренним эталоном. Внутренняя форма через сознание, в котором уже существует определённый чувственно-духовный эталон (завет отца), реализуется в поведении и поступках. Мы можем предположить, что именно сознание определяет духовные и материальные ценностные составляющие личности; поле сознания является нравственным показателем поступков человека. Внешние эталоны принято считать объективными по умолчанию, внутренние являются субъективными. Чем больше человек зависит от общества, тем больше его жизненное пространство объективируется; чем дальше удаляется человек от общества нравственно-психологически, тем больше его жизненное пространство субъективируется. В романе Андрич показывает как события внешнее влияют на смену парадигмы в мире внутреннем Барышни. Объективные события создают повод для новых переживаний и стимулируют чувственный опыт к созданию новой грани воображаемого мира и к смене внутренних субъективных моделей реализации собственного Я:

Весь мир, каким она еїо видела и восїрнимала, каким она моїла еїо увидейть, їрудясь в їоїе лица ради осуещствїления сна своей жизни, встїавал їперед ней и ойределял ее действївия їо ойношению ко всему и всем. Барышня чувствїовала настїуїление кризиса, їри котїором їрудно їприобрейтайть и боїайейть, но леїко їраїїїть, и востїавала їроїїв неїо всем своим сущестївом, с самых ранних летї ойданнїм одному їредназначению. Для нее невыносима мысль, чїо ее дело и ее иїтересы моїут оказайть в зависимостїи ой сил, ей совершенно неїодвластїных, чїо и она должна разделять злую судьбу своих соїлемеников. В ней їоднималось неудержимое желание раз и навеїда освободїїсь ой

всяких связей и обязательств, чтобы никто не имел права от нее чего-либо требовать, подобно тому как она сама никогда не чувствовала себя с кем-либо связанной и никогда ничего во имя этих связей не требовала. Нет, никогда, ни за что на свете она не окажется на стороне, которая несет убытки. Все сделает, но этого никогда не допустит. „Никогда“, – повторяла она торжественным шепотом, ударяя кулаком правой руки по столу, словно выковыывая свое решение (Андрич 1984: 38).

Любые неприятные переживания являются тьмой для Барышни, но их трансформация в процессы по реорганизации своего жизненного пространства связано со светом. Следовательно, любое негативное события, происходящее во внешнем мире, может быть реализовано или в виде тьмы, то есть нерешённых ситуаций, или в виде света, когда расширяется пространство сознания и человек открывает новые возможности вследствие смены или коррекции мира воображаемого, что видим на примере с Барышней:

Барышня решительно отбрасывает все происшедшее и думает лишь о том, каким образом она переживет через все это, обойдет, как любое другое перейдет на пути. Для нее невыносима мысль, что ее дело и ее интересы могут оказаться в зависимости от сил, ей совершенно неподвластных, что и она должна разделять злую судьбу своих соплеменников. Нет, никогда, ни за что на свете она не окажется на стороне, которая несет убытки. Все сделает, но этого никогда не допустит. „Никогда“, – повторяла она торжественным шепотом, ударяя кулаком правой руки по столу, словно выковыывая свое решение (Андрич 1984: 16).

Таким образом, личный опыт Барышни становится доминирующим в поддержании пространства жизненного мира. Одним из аспектов формирования личного опыта является социально-культурный опыт. Личный опыт – социально-культурный опыт, следовательно личный опыт – расширение сознания, социально-культурный опыт – фиксация сознания в социально определённых границах.

Человек как система соприкасается с другими системами и во взаимодействии с ними получает свой социально-культурный опыт. Каждый человек находится в определённом социальном пространстве, которое является для него жизненным или не является таковым. Жизненное пространство подразумевает множество реальных и нереальных, актуальных, прошлых и будущих событий, которые находятся в психологическом пространстве человека в настоящий момент времени. Оно включает в себя человека и его социально-психологическое окружение, а это не только люди, но и окружающие предметы, воздействие которых вызывает у него определённые потребности. Левин рассматривал их как своего рода энергетические заряды, вызывающие напряжение человека. В таком состоянии человек стремится к разрядке, то есть удовлетворению потребностей (Левин 2000):

За Рафо, скромно и незаметно, отваживаясь лишь на небольшие операции, следовала Барышня. Мало-помалу она становилась деятельнее и смелее. Поиск

ки возможных сделок, мучительные и долгие раздумья, переiroдажи, страх, который обычно сопровождает спекуляции и который всегда одинаков – и при выигрыше и при проигрыше, – все это целиком забирало ее время и поилоало ее внимание (Андрич 1984: 18).

Язык же позволяет „реставрировать оттенки индивидуального сознательного опыта“ (Барышников 2014: 98), который является актом сознания человека и включает в себя ментальный опыт, чувственный опыт и социально-культурный опыт. Такой „сознательный опыт считается внутренним по отношению к языку“ (Никоненко 2013: 54), поскольку „язык сознания – это смысловые связи, которые существуют явно и неявно, как причинные и функциональные“ (Молчанов 2007: 239). Язык накладывает свой код на структуру реальности. Любая модель демонстрирует „ментальность“ её создателя и в не меньшей мере – ментальность общества, в котором живёт создатель, и его лингвистические системы, иначе семантическую среду (Уилсон 1998). Окружением Барышни являются не только конкретные люди, социум, но и материализованные идеи, которые можно прочувствовать в виде материальных вещей (деньги) или в виде эмоций и чувств:

He впервые ей снился сон о сне ее жизни – Миллионе. С разной силой и в разных вариантах не единожды за последние годы виделось ей ночью одно и то же: ее состояние достигло миллиона и шут же за него перевалило. И каждый раз, как и в минувшую ночь, она чувствовала при этом, что всю ее заливаешь и пронизываешь убойное шеплое сияние. Неиссякаемый источник этого сияния, который приносил столько радости и счастья, был в труде – иде-шо под самым торлом, и, когда она клала на это место руку, а потом подносила ее к глазам, ей чудилось, что рука ошливает золотом и серебром, что это сияние – не жидкость и не газ, а что-то среднее между ними и что оно, словно некая добрая и могущественная сила, поднимает человека над землей, защищает и охраняет его от всевозможных бед и унижений (Андрич 1984: 35).

Именно такое психологическое окружение непосредственно повлияло на картину мира Барышни и промаркировало её пространство жизненного мира как борьбу внутреннего света и внешней тьмы. В таком пространстве человек способен переживать самого себя как свет – источник света, или как тьма, становясь источником тьмы для самого себя. Следовательно, модулярной оппозицией выступает внутреннее состояние – внешние потребности, а именно сознательный опыт – язык реальности, сознательный опыт – код реальности.

Архитектура даётся человеку генетически и представляет собой этапы развития представления о пространстве и форме, которая на уровне сознательного превращается в своего рода ментальную программу. Архитектура света и тьмы рассматривается нами как именно такая программа, которая наполняет при помощи семантических кодов языка в сознании человека его пространство жизненного мира. Оно является сложной структурой, состоящей из трёх элементов-уровней: а) модульные структуры обеспечиваю-

тся концептами, семантическое ядро которых реализуется в сознании человека в виде модулярных оппозиций; б) структуры-соединители, которыми являются квазикомплексы; в) структуры распределения, которые непосредственно организуют пространство жизненного мира и постоянно корректируют его посредством корреляционной модели и продуцируемым сознанием символическими образами. Именно в категории формы и структуры яснее всего просматривается связь всех способов рациональной формы интерпретации и мотивации всех человеческих идей и действий (Ситар 2013). Архитектура света и тьмы базируется на осознанных процессах деятельности человека, включая в себя структуры долговременной и кратковременной памяти, концептуальный уровень с его семантическими кодами, которые отражают действительность и реализуются в ментальных репрезентациях, коды сознания и психическую реальность, порождённую опытом сознания, личностные конструкты, которые реализуют убеждения, и психологическое окружение человека.

Корреляционная модель соотносит между собой и согласовывает все составляющие света и тьмы в пространстве жизненного мира. Квазикомплексы как временные явления возникают в памяти и поддерживают процессы расширения и углубления семантических кодов концептуального уровня сознания или концептуализированного сознания. Архитектура света и тьмы является сложным концептуально-ментальным образованием и реализуется во внутреннем пространстве человека. Внутреннее пространство ограничено генетической памятью и долговременной памятью, реализует ментальный и чувственный опыт. Внешнее пространство фиксируется долговременной и кратковременной памятью и реализует социально-культурный опыт. Кроме того, репрезентации в субъективном психическом пространстве существует как его смысловая основа. Пространством Барышни является психическая временная перспектива, хранящаяся в её индивидуальной и генетической памяти, с одной стороны, и созданным в её воображении будущим (деньги как полки и эскадры и она как творец/ создатель театра событий), с другой. Следовательно, смысловая основа пространства Барышни – это иллюзия Победителя, настоящего стратега и продолжателя традиций рода.

Корпускулярные семантические пучки задают архитектурную форму света и тьмы в пространстве жизненного мира. Такие семантические пучки являются суть образами, реализуемыми в сознании человека. К ним относятся индивидуальное начало в человеке (жизненные цели и потребности, эмоции), биологическое начало (характер и поведенческие структуры, которые связаны с нервной системой), социально-обусловленное (окружающие люди) и культурный (магический, мифический); они соотносимы с „четырьмя аспектами“ бытия сознания Кена Уилбера (Wilber 1997). Каждый из этих пучков имеет внутреннее смысловое наполнение и внешнее прояв-

ление. Например, семантический пучок индивидуального начала соотносим с заветом отца и Миллионом как жизненной целью Барышни; семантический пучок биологическое начало раскрывает при помощи света и тьмы силу характера Барышни; семантический пучок культуры объединяет магию завета отца и мифичность дядюшки Владо и Миллиона, что проявлялось в аскетизме; семантический пучок социального окружения представлен отцом, дядюшкой Владо и деньгами – внутреннее социальное окружение Барышни и матерью, родственниками, людьми с улицы – внешнее социальное окружение. Корпускулярными элементами этих пучков являются: а) квазикомплексы как связующие звенья внутренней и внешней событийности; б) модулярные оппозиции концепта свет-тьма, которые реализуют смысловые (семантические) коды архитектуры на ментальном уровне и на уровне сознания, и при помощи которых Барышня строила своё жизненное пространство – внутреннее (непроявленное во вне) и внешнее (непроявленное внутри). Эти пространства существовали обособленно – внешнее социальное пространство, которое мало интересовало Барышню и соотносилось в её сознании с тьмой, и внутреннее жизненное пространство, в котором она жила и мечтала и по настоящему была счастлива, соотносилось в её сознании со светом. Этот свет переживается Барышней как трансцендентный.

Свет отца после его смерти Барышня в своём сознании превратила в светлый опыт доброты для себя. В восприятии Барышни её доброта была светом трансцендентного духа. Это был мир её света, в котором она строила храм для своей души: сначала свет родился через единство помыслов её и отца (завет отца как матрица рождения её жизненного пространства), дальше через дядюшку Владо свет обрёл юношескую форму озарения и стал светом-озарением, поскольку озарял собой ещё сокровенные места души, способные к позитивному восприятию внешнего мира; внешнее озарение трансцендировалось во внутреннее озарение – Миллион как высшая форма свободы; внутреннее озарение расширило свои границы света и на фоне теплоты семьи своего дяди свет преломился в мир внешний и создал ментальный отблеск света на тёмном фоне (Ратко Раткович). Свет как отблеск души частично остаётся в её психической реальности (уход за больной матерью) и полностью трансцендирует в иллюзию, которая существует в её мире как психологическая иллюзия. Со временем Барышня подчинила пространство внешнее пространству внутреннему, собственно свет озарил тьму и окружающая её действительность стала просто иллюзией:

Таково обычное зрелище, которым Барышня наслаждалась каждый день, ее „окно в мир“, ее общество и чтение, ее вера и семья, ее лица и развлечение. После каждого осмотра и пересчета картина менялась, и Барышня и сама не знала, что прекраснее, бо́льче и величественнее – то, что она дает, или то, что обещает. В этой картине – основа, смысл и цель ее жизни. Рядом с этим бо́льшеством и живет Барышня. Доходы с куйонов все скуднее, но бережливо-

світ возмещает все, помотая и там, где все умирает. Она всегда с ней, ею пронизана вся жизнь, с ней можно прожить до последнего вдоха, да еще и от неё урвать и сэкономить толику (Андрич 1984: 99).

Квазикомплексы являются репрезентациями трансцендентного перехода от внешнего пространства к внутреннему и его подчинения последнему. Следовательно, квазикомплексы – это основа трансцендентного опыта создания архитектуры пространства жизненного мира Барышни, в котором тьма или выступает фоном, или же полностью поглощается светом. Сознательный опыт Барышни тесно связан с трансцендентным опытом, переплетается с ним и по смыслу определяется как опыт мученика, который защищает свой трансцендентный свет. Трансцендентный свет всегда усиливается светом внешним:

[...] багряный вечерний закат, который над Белградом, кажется длится дольше и ярче, осветил её окна (Андрич 1984: 5). *И, стоя у окна, глядя на прорывающийся в сиянии лейнё дня город, она еще жила этим невыразимо сладостным сном, распылчатым и несвязным* (Андрич 1984: 14).

Внешний свет вызывает к жизни внутренний свет. Здесь наблюдается смысловой эффект усиления или удвоения света. Или же внутренний свет поглощает внешнюю тьму, или же наблюдаем эффект подчинения как борьбу зла и добра. Или же свет внешний и тьма внутренняя усиливает эффект борьбы с внутренними стихиями – жалостью и строгостью:

[...] но она шла, ни на кою не глядя, и лишь про себя говорила: „Вой те люди, что убивают добрых и честных и пресмыкаются перед черствыми и напыми“. Ободренная утренняя беседой, она чувствовала, как душу ее наполняет спокойной силой равнодушное презрение к толпе, – ведь уже сейчас люди не могут ей ничего сделать, и они непременно пойдут к ее ногам, когда она окажется в своей крепости, имя которой Миллион. Барышня шла решительной походкой, и ей чудилось, что она не только в мыслях своих выше этой убогой мяшущейся толпы, но что она и в самом деле сдвигает по ней, как по муравейнику (Андрич 1984: 15).

Трансцендентность создаёт отблеск света и может рассматриваться как временная иллюзия (воспоминания о дядюшке Владо). Такая временная иллюзия не закрепляется опытом сознания, но входит в квазикомплекс как семантический код света. Эта трансцендентная иллюзия также может рассматриваться как символ перехода от тьмы к свету. „Человек воспринимает мир органами чувств, через интуицию, движение и проприоцепцию, то есть то, что посылает нам сигналы из глубины тела. Иногда это странные трудно выразимые ощущения. Всё это символизирует путь от темной стороны к светлой стороне, к нашему „я“, к нашему первичному процессу, где есть свет, с которым мы отождествлены“ (Минделл 2018: 4).

Социальное пространство жизненного мира Барышни представлено архетипами, а именно архетипом отца, как ведущим, который обособляет собой всю мудрость рода торговцев. Архетип мудрость как мудрость рода

представлен также и дедушкой, в котором соединялось и скарденность и великодушие. Архетип матери не присутствует вообще, поэтому её роль выполняет сама Барышня, то есть она одновременно выступает как архетип матери для самой себя и как реальный человек, то есть дочь своей архетипической матери, иначе она является матерью для самой себя. Роль персонажи, согласно Юнгу, представлены дядюшкой Владо как архетип озорника и джокера, который переходит в социум внешний (Ратко Раткович) как архетип плута и джокера (Юнг 1991). Интерес вызывает то, что во внутреннем пространстве жизненного мира Барышни существуют не фиксированные памятью образы отца, деда газды Ристана, дядюшки Владо, Ратко Ратковича, матери и др., а архетипы этих образов, которые находятся в её бессознательном бытии и зафиксированы в её генетической памяти. Следовательно, внутренне пространство Барышни наполнено не живыми образами, а архетипами, которые непосредственно влияют на формирование её системы ценностей, то есть на её духовную составляющую. Духовный мир Барышни определяется местом архетипов в её сознании. Меняется место архетипа – меняется пространство сознания: или оно расширяется (дядюшка Владо) или же оно сужается (Ратко Раткович). Кроме того, корреляционная модель строится на кодах сознания. Сознание – это наблюдение. „Наблюдение переживается как поверхностный акт и очень глубокое событие, основанное на чувственном переживании“ (Минделл 2018: 6). Кодами сознания являются убеждения Барышни: „красота – порочна“, „добычка невеличка да бережь большая“ и др.

Таким образом, психосемантический феномен архитектуры света и тьмы отражает бытие человека в мире, его контакт с миром при помощи семантических кодов, которые через смысловые связи реализуют в его сознании сконструированную им самим картину мира, удерживают фокус его жизненного пространства – фокус света или тьмы/ жизни или смерти/ добра или зла.

Выводы

1. Архитектура света и тьмы в романе является сложной по своему строению и структуре ментальной программой, которая наполняет при помощи семантических кодов языка в сознании Барышни её пространство жизненного мира. В основу архитектуры света и тьмы положены человеческие идеи и действия, базирующиеся на чувственном восприятии и переживании и ментальных образах и их переживаниях.

2. Пространство жизненного мира является сложной структурой, состоящей из трёх элементов-уровней: а) модульные структуры обеспечиваются концептами, семантическое ядро которых реализуется в сознании человека

в виде модулярных оппозиций; б) структуры-соединители, которыми являются квазикомплексы; в) структуры распределения, которые непосредственно организуют пространство жизненного мира и постоянно корректируют его посредством корреляционной модели и продуцируемыми сознанием символическими образами.

3. Структура смыслового ядра сложная и многоуровневая и состоит из ментальных оппозиций. Все модулярные оппозиции, возникающие в смысловом ядре концепта свет-тьма, в ментальном поле человека и на уровне сознания являются смысловыми источниками света и тьмы или же их продуцентами.

4. Структурами-соединителями являются квазикомплексы, как неявные смысловые ресурсно-структурные единицы, выполняющие роль трансцендентных связок в потоке событий и обеспечивают, с одной стороны, построение границ жизненного пространства, с другой, выступают как корпускулярные элементы в корреляционной модели и создают семантические пучки. Квазикомплексы возникают при трансцендентном переходе от одного переживания к другому как событию, переключают эти события из одной плоскости в другую, видоизменяют смысловые процессы, адаптируют их к бытию личности в её разных пространствах, в частности ментальном и психическом, являются смысловыми образованиями, которые связывают все бессознательное бытие с сознательными процессами в ментальном и субъективном психическом пространстве. В романе мы выделили несколько базовых квазикомплексов: события, процесс, переживания (чувственные, физические, ментальные), конструирования или реализации, конкретизации.

5. Структура распределения, которая непосредственно организуют жизненное пространство и коррелируют его согласно постоянно продуцируемым символическим образам представлена в романе корреляционной моделью с корпускулярными семантическими пучками. Семантические пучки являются суть образами, реализуемыми в сознании человека. Такими семантическими пучками (составляющими) являются индивидуальное начало в человеке (жизненные цели и потребности, эмоции), биологическое начало (характер и поведенческие структуры, которые связаны с нервной системой), социально-обусловленное (окружающие люди) и культурный (магический, мифический).

6. Пространство жизненного мира Барышни рассматривается как психосемантический феномен, поскольку оно организовано и существует в её сознании и владеет всеми атрибутами психического пространства – жизненные цели и потребности, эмоции, чувства, характер и поведенческие структуры, психологическое окружение, и как когнитологический, где архитектурный концепт света и тьмы находится в постоянном развитии, пере-

страивая модулярные оппозиции семантического ядра модели и каждый раз усиливая существующие или создавая новые смысловые эффекты.

7. В романе свет и тьма возникают на всех уровнях человеческой сущности, а именно как реально существующий физический свет с ментальными искажениями в его восприятии (ментальными оптическими иллюзиями); как психологический свет, проявленный в поступках героини и персонажей, её внутреннего пространства (внутреннего социума) и внешнего естественного (природные явления), материального и социального окружения; как метальный свет реализуется в мыслях и планах, в созданных Барышней ментальных образах реальности, которые она адаптировала под свою систему ценностей; как духовный свет, который проявляется в выборе пути мученика за ценность обретения внутренней свободы. Свет и тьма в романе являются трансцендентными, поскольку могут плавно сменять друг друга, могут стимулировать к порождению все ментальные и психические процессы в сознании Барышни.

8. Пространство жизненного мира Барышни является пространством трансцендентного духовного сна и воспринимается её сознанием как пространство Свободы.

9. Феномен Иво Андрича проявился в том, что он является тонким наблюдателем формирования и развития человеческой души, мастером трансцендентного света.

Источник

Andrich 1984: Андрич, Иво. *Барышня*. Москва. In: http://imwerden.de/pdf/ivo_andrich_baryshnja.pdf. 15.11.2018.

Литература

Барышников 2014: Барышников, Павел. Семантические процессы сознания: от вычислительных моделей к языковому опыту. In: *Эйси́емоло́гия и философия науки*. Т. XLI. № 3. Москва. С. 96–114.

Выготский 1934: Выготский, Лев. *Мышление и речь*. Москва – Ленинград.

Гухман 2018: Гухман, Владимир. *Философия информации*. Москва – Берлин.

Дубров 2006: Дубров, Александр. *Койни́йивная йсихофизика*. Ростов-на-Дону.

Дубровский 2013: Дубровский, Давид. *Субъективна́я реальность и мозі*. Рига.

- Зинченко 2001: Зинченко, Владимир. Ценности в структуре сознания. In: *Вопросы философии*. Москва. № 8. С. 85–97.
- Келли 2000: Келли, Джордж Александр. *Психология личности. Теория личностных конструкций*. Пер. с англ. А. Алексеева. Санкт-Петербург. В [Kelly, G. A. *The psychology of personal constructs: Vol. 1. A theory of personality*. London: Routledge., 1991].
- Клацки 1978: Клацки, Роберта. *Память человека: структуры и процессы*/ пер. с англ. Т. Сидоровой. Москва. В [Klatzky Roberta L. *Human Memory: Structures and Processes*. W. H. Freeman, 1975].
- Кравченко 2007: Кравченко, Александр. Репрезентационализм и биологическая теория познания. In: *Проблема представления репрезентации в языке: типы и формы знаний*. Вып. 1. Москва. С. 37–47.
- Кубрякова 1997: Кубрякова, Елена и др. *Крайкий словарь когнитивных терминов*. Москва.
- Левин 2000: Левин, Курт. *Теория поля в социальных науках*/ пер. с англ. Е. Сурпина. Санкт-Петербург. В [Lewin Kurt. *Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers*. Santa Barbara, California: Greenwood Pub Group, 1975].
- Лекторский 2011: Лекторский, Владислав. Исследование интеллектуальных процессов в современной когнитивной науке: философские проблемы. In: *Естественный и искусственный интеллект*. Москва. С. 3–16.
- Минделл 2018: Минделл, Арнольд. *Квантовый ум. Грань между физикой и психологией*. Пер. с англ. А. Киселев. Москва. В [Mindell Arnold. *Quantum Mind. The Edge Between Physics And Psychology*. Portland, Oregon: Lao Tse Press, 2000].
- Молчанов 2007: Молчанов, Виктор. *Исследования по феноменологии сознания*. Москва.
- Никоненко 2013: Никоненко, Сергей. Наш внутренний ментальный экран. In: *Натуралистические концепции сознания*. Вып. 1. Санкт-Петербург. С. 53–55.
- О'Лири/Борегар 2017: О'Лири, Дениз, Борегар, Марио. *Научные битвы за душу. Новейшие знания о мозге и вера в Бога*. Пер. с англ. У. Сапцина. Москва. В [Beauregard Mario and O'Leary Denyse. *The Spiritual Brain: a Neuroscientist's Case for the Existence of the Soul*. New York: HarperCollins Publishers, Inc., 2007].
- Осорина 2017: Осорина, Марина. Ментальное пространство как психическая реальность. In: *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Вып. 1. Том 7. С. 6–25.

- Петренко 2012: Петренко, Виктор. Психосемантический подход к изучению искусства как формы познания и конструирования мира и себя самого. In: *Развитие личности*. № 1. Москва. С. 58–80.
- Петренко 2010: Петренко, Виктор. *Основы психосемантики*. Москва
- Ревонсуо 2013: Ревонсуо, Антти. *Психология сознания*. Пер. с англ. А. Стативка, Э. Замчук. Санкт-Петербург. В [Revonsuo Antti. *Consciousness: The science of subjectivity*. London: Psychology Press. 2010].
- Романов/Трипольский 2012: Романов, Пётр, Трипольский, Рувин. Ментальные каузации и проблемы десубстантивации сознания в биологическом натурализме и нейроонтологии. In: *Вестник Мурманского государственного технического университета*. Мурманск. Том 15. № 1. С. 122–125.
- Ситар 2013: Ситар, Сергей. *Архитектура внешнего мира. Искусство проектирования и становления европейских физических представлений*. Москва.
- Стернин / Розенфельд 2015: Стернин, Иосиф, Розенфельд, Марьяна. *Слово и образ*. Москва-Берлин.
- Уилсон 1998: Уилсон, Роберт Антон. *Квантовая психология: как работа вашей мозга программирует Вас и Ваш мир*. Пер. с англ. и под ред. Я. Невструев. Киев. В [Wilson Robert Anton. *Quantum Psychology: How Brain Software Programs You & Your World*. Tempe – Arizona: Falcon Press. 1990].
- Фрит 2010: Фрит, Крис. *Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир*. Пер. с англ. П. Петров. Москва. в [Frith Cris. *Making up the Mind: How the Brain creates our Mental World*. Hoboken – New Jersey: Wiley-Blackwell. 2007].
- Юнг 1991: Юнг, Карл Густав. *Архетипы и символ*. Пер. с англ. В. Зеленский Москва. В [Jung, Karl Gustav. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. The Princeton University Press. 1981].
- Bickerton 1990: Bickerton, Derek. *Language and Species*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Fauconnier 1994: Fauconnier, Gilles. *Mental space: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fearing 1954: Fearing, Franklin. An examination of the conceptions of Benjamin Whorf in the light of theories of perception and cognition. In: *Language in culture*. Chicago; L.: The University of Chicago Press. P. 47–81.
- Jarvilehto 1998: Jarvilehto, Timo. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. In: *Intergrative Physiological and Behavioral Science*. 33. P. 317–330.

Wilber 1997: Wilber, Ken. An Integral Theory of Consciousness. In: *Journal of Consciousness Studies*. 4 (1). London. P. 71–92.

Oksana Leontieva (Kiev)

**The architecture of light and darkness
in the vital world space Miss**

Semantic codes of quasicomplexes of the vital world space Miss are realized in her mind as a light-dark correlation model. The corpuscular semantic components of the correlation model make it possible to consider the architecture of light and darkness and as a psychosemantic phenomenon, the content of which finds its expression in the images of the external and internal spaces of Miss, and cogitological, where the architectural images of light and darkness are in constant development, modifying the modular opposition of the semantic kernel of the model and enhancing the existing semantic effects or creating new ones on their basis, due to the situational movement of the meaning field of vital world space Miss in her mind.

Oksana Leontieva
Individual scientist
02217 Kiev
Tel.: ++38 067 391 74 69
dleonit@gmail.com

